

роны центральной власти: Никея, Трапезунд и Арта (а также Янина) стали столицами государств, подлинными крупными центрами региональной культуры, где усиленно стимулировалось развитие всех отраслей культуры и искусства, обслуживающих здесь теперь гораздо более широкие, чем ранее, государственные потребности и новые запросы светской и духовной знати. Во-вторых, в каждую из этих новых столиц, прежде всего в Никею, затем в Трапезунд и, наконец (в гораздо более скромных масштабах), в Арту и Янину, хлынул из разоренного Константинополя, из Фессалоники, Афин и других крупных центров империи, захваченных латинянами, поток беженцев, в том числе высших представителей византийской культуры, литературы и искусства, составлявших славу Византии до 1204 г. Элитарная культура империи «выплеснулась» вместе с этими людьми из бывшей столицы и «стеклась» в упомянутых центрах, как в убежищах, где деятелям культуры были обеспечены сравнительно благоприятные условия для их творческой жизни. Провинциальная культура Никеи, Трапезунда и Эпира испытала, таким образом, единовременную мощную и благотворную «прививку» со стороны культуры столичной, причем в таких «дозах», в каких провинции Византии не знали этого раньше.

Лишь в одном из четырех регионов — в Латинской Романии, в ее многочисленных столицах не менее многочисленных латинских государств, указанный процесс осуществлялся в основном в противоположном направлении: деятели византийской культуры не сосредоточивались при дворах западных государей, а стремились эмигрировать в Никею, Трапезунд или Эпир. Не в меньшей (если не в большей) степени синтез местной культуры совершался здесь не столько с элитарной (столичной), сколько с западной, латинской, принесенной завоевателями. Традиции столичной культуры в некоторых регионах трансформировались с течением времени и не всегда получали, особенно в течение первого столетия {586} господства иноземцев, стимул к дальнейшему поступательному развитию в русле общевизантийского культурного процесса.

Несомненно, судьбы культуры в каждом из четырех регионов, как показано авторами первой части книги, не были одинаковыми ни по степени ее развития, ни по его темпам, ни по соотношению прежних, столичных и местных, провинциальных традиций.

Утрата единого мощного культурного центра (Константинополя), гигантской лаборатории, где осуществлялся сложный сплав всех направлений и течений византийской культуры и были сосредоточены главные творческие силы империи, разрыв политических связей, ослабление экономического обмена между бывшими имперскими землями — все это, безусловно, играло роль общего негативного фактора. Но и его воздействие было далеко не одинаково в Никее, Эпире и Трапезунде. Во всяком случае, латинское завоевание нанесло тяжелый урон и византийской культуре. Для ее нового подъема точно так же, как и в экономике, и в политике, был необходим период собирания сил, восстановления ритма культурной жизни.

Сравнительно наиболее благоприятными в период «изгнания» оставались условия для развития культуры в Никейской империи, при этом относительно наименее значительной оказалась здесь в целом роль местных провинциальных культурных традиций. Во-первых, Никея, отстоявшая от Константинополя едва на 100 км, находилась с ним издревле в тесных связях, была включена в орбиту столичной культурной жизни. Во-вторых, именно в Никею в 1204—1210 гг., после падения Константинополя, направлялся основной поток представителей светской имперской аристократии, а также высших иерархов церкви, черного духовенства из множества крупных монастырей и, наконец, большинство культурных деятелей империи. В-третьих, Никейская империя с самого начала и до конца выступала (подтверждая это своими внутренними и внешними политическими акциями) как прямая наследница бывшей империи, точнее — как та же империя, лишь временно лишенная Константинополя и владений на Балканах. Верность традиционному имперскому образу жизни, в том числе культурным ценностям империи, становилась в новых условиях высшей добродетелью, приобретала значение официального политического курса, фактора этнической консолидации и сплочения сил для изгнания латинян. Культура Никеи представляла собой, в сущности, непосредственное продолжение культуры Византии XI—XII вв.

Прежде чем перейти к особенностям культуры Никейской империи, необходимо оговориться, что предложенный читателю обобщающий труд — скорее не систематическое, претендующее на полноту изложение (эта оговорка в равной степени относится и к двум предшествующим томам), а очерки по истории византийской культуры. В особенности это касается именно первой части данной книги. Число подвергнутых обозрению отраслей культуры здесь разное в каждой главе; в целом этих отраслей здесь меньше, чем во второй части, так как со-